

думки. Це мало значення особливо тоді, коли доктор Геппнер виконував службові обов'язки на пленумі. Також у новій Народній палаті була відсутня переважно готовність до *відкритої розбіжності*. Зокрема це, звичайно, траплялося під час Великої коаліції. Але навіть коли СДПН вийшла зі Східноберлінської коаліції, ніяка дійсна суперечка не починалася в суперечці навколо договору об'єднання. У рішенні Народної палати говориться, що «Кубики впали вже давно».

Підсумок: Більше 40-а років парламент НДР мав Народну палату і її характерну мову; однак, це був той захоплений – вітаючий «псевдо – парламентаризм». Після подій у жовтні / листопаді 1989 року з'явилася комунікація, що набирала поступово характер відкритого діалогу, тимчасовий парламент обговорення в співробітництві з яким центр створював Круглий стіл – законні передумови для виборів у березні 1990 року. Вибори в березні повинні були б призвести до створення *робочого парламенту*, що діяв би тільки як установа, якій доручено проведення заходу для замовленого виборцями НДР проекту «німецької єдності». «Парламентаризм НДР не знайшов власну мову після «повороту», а, мабуть, тільки елементи власного стилю: можливість для відносно – стихійних внесків до мови, коротких обговорень із президією, більш довгі виступи президента, що перебуває на посаді, ввічливі звертання, ввічливо – негарантований, тільки при нагоді негативно розширений мовний спосіб, ніякого обміну між урядом і опозицією, вкрай мало й, навряд, чи агресивні репліки, тільки небагато елементів шоу. У той час як НДР описала об'єднання двох німецьких держав як, начебто, девіз про її роботу і, подані в ній партії впадали в усе більшу залежність від її Боннських родинних організацій. НДР програла шанс на власну мову й самостійну політику.

Джерела та література

1. Burkhardt, Armin Социальное дело, речевое дело и текстильные изречения. А. Reinachs Философия права и современная лингвистика. Тюбинген (= ряд относящейся к германистике лингвистики 69). 1986. – S. 116 и на сл.стр.
2. Катай, Ханс – Ахима Организация, процесс и функции Немецкого Бундестага. В: Süßmuth, Рита (Hrsg). (1989): Немецкий парламент. Со статьями В. Геблера, В. Кесзеля и Ханс – Ахима Роля. Берлин – Кёльн. 1989. – S. 238.
3. PVK = Временная Народная палата Германской Демократической Республики. – Берлин, 1949. – S. 7.
4. Джес, Эггарт Народную палату ГДР: права и процессы по конституции и политический Paraxis. В: портной, Hans – Peter / Вольфганг Цех (Hrsg): право парламента и практика парламента в Федеративной Республике Германии. Berlin – New Йорк. 1989. – S. В 1821 – 1844.
5. Буркхардт, Армин Между монологом и диалогом. Парламент, его язык и мир Zwischenrufens. – Berlin – New Йорк. 1993. – S. 167.
6. Burkhardt, Armin Между монологом и диалогом. Парламент, его язык и мир Zwischenrufens. – Berlin – New Йорк. 1993. – S. 169.
7. Дикманн, Вальтер Политический язык – Политическая коммуникация. Статьи докладов – Проекты. Хайдельберг, 1981. – С. 265.
8. VK = Народную палату Германской Демократической Республики. 1. – 10 избирательный период. Берлин в 1950 – 1990. S. 9/ 232 – 263.
9. Burkhardt, Armin « Стенография является вообще зловещим делом!» (Конрад Аденауэр) К языку немецкого парламентаризма. Часть II. в: Новая стенография – графическая практика 41. – № 3. – 1992. – С. 30 и на сл. стр.
10. PVK = Временную Народную палату Германской Демократической Республики. Берлин в 1949 / 50.
11. Холлай, Вернер К истории парламентского языкового действия в Германии. Исторически – прагматичный эскиз на примерах из первых заседаний учредительных собраний. В: журнал для литературоведения и лингвистики – 47, 1982. – S. 10 – 48.

Арнаутова А.Р.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗОМ «КИ» В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксис крымскотатарского языка на протяжении многих лет практически не исследовался. Существует множество причин, объясняющих проблемы описания его коммуникативных проявлений. Во-первых, отсутствие теоретической базы крымскотатарского синтаксиса, хаотическое представление сведений о синтаксических единицах. До сих пор основные единицы крымскотатарского синтаксиса детально не описаны и не изучены. Во-вторых, сложность описания заключается и в том, что источники письменной речи не всегда отражают нормы литературного языка. Зачастую в текстах встречаются не только лексические кальки, но и синтаксические, которые не отражают специфику крымскотатарского синтаксиса. В нашей статье мы попытались рассмотреть один из актуальных вопросов крымскотатарского синтаксиса.

Данная работа направлена на рассмотрение особенностей сложноподчиненных союзных предложений (СПП) с союзом «ки» в крымскотатарском языке. Для достижения поставленной цели мы собрали и систематизировали фактический материал, а также обработали его с применением следующих методов: описательного, статистического, методики трансформационного внедрения [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], семантического анализа, методики контекстуального наблюдения. Нами выявлены и описаны некоторые

семантические и структурные особенности СПП с союзом «ки».

Впервые сложные предложения в крымскотатарском языке были описаны А. Ислямовым. Автор, рассматривая сложное предложение (СП) в «Грамматике крымскотатарского языка», приводит общие сведения о СП, классифицирует сложносочиненные предложения (ССП) и сложноподчиненные предложения (СПП) по признаку семантических отношений между частями предложений; по способу связи, выделяя три способа связи между компонентами сложного предложения: 1. с помощью союзов, 2. с помощью аффиксов, 3. с помощью интонации; по средствам связи, выделяя союзные (четыре группы: 1. **ве, эм, да-де эм-эм, де-де**; 2. **лякин, амма, тек, исе**; 3. **я, яхут, яки**; 4. **не-не**, так же упоминаются союзы **ёкъса, атта**) и бессоюзные. Кроме того, СПП союзного типа автор делит на временные, причины, условия, противительные, дополнительные, обстоятельственные, определительные и сравнительные. Рассматривая вопрос пунктуации в союзных СПП, впервые вкратце указывает на наличие СПП с союзом «ки», отмечает «что после союза «ки» пауза усиливается и после него ставится запятая [9]. Однако детализированной информации о СПП с союзом «ки» в работе нет.

Исследуя сложное предложение (СП), Э. Акмоллаев рассматривает их более детально и классифицирует одновременно по нескольким признакам (средствам связи, способам связи, функциональным особенностям частей предложения и семантическим особенностям отношений между частями), смешивая признаки между собой выделяет: бессоюзные ССП – соединительные, распространенные, сравнительные, противительные, и бессоюзные СПП – причины, следствия, цели, времени, условия, дополнительные и изъяснительные. Так же и сложные союзные предложения делит на 1) союзные ССП (соединительные, сравнительные, противительные, определительные, отрицание); и 2) союзные СПП (подлежащие, сказуемые, дополнительные, определительные, времени, места, образа действия, меры и степени, сравнения, цели, причины, следствия, условия, уступки). Среди средств связи, которые связывают СПП, автором выделен и союз «ки». Э.С. Акмоллаев приводит примеры некоторых видов союзных СПП и указывает своеобразие тех, где главная часть, расположенная в начале предложения, с помощью союза «ки» присоединяет к себе зависимую. Предложения с союзом ки приводятся в качестве примеров подлежащих, сказуемых, дополнительных, определительных, образа действия, меры и степени, следствия союзных СПП [10]. Продолжая исследования, предпринятые Э. Акмоллаевым, Л.С. Оказ разграничивает признаки ССП, определяет место и функции придаточных предложений. Классифицируя ССП по средствам связи Л.С. Оказ выделяет 15 типов ССП, разграничивая их с учетом функциональной предназначенности придаточной части предложения: с придаточным подлежащим (изъяснительным), сказуемым, определительным, дополнительным, обстоятельственным: времени, места, цели, причины, уступки, следствия, меры и степени действия, образа действия, сравнения, условия, пояснения [11]. Впервые на материале крымскотатарского языка автор классифицирует союзные и бессоюзные ССП по способу связи, между главным и придаточным компонентами предложения: 1) предложения с аналитическим способом связи; 2) синтетическим способом связи; 3) аналитико-синтетическим; 4) лексико-морфологическим.

Принимая во внимание вышеуказанные данные, отметим, что рассматриваемый нами вид СПП с одной стороны является аналитическим, так как придаточное предложение соединяется с главным с помощью союза «ки» «что, чтобы», который вместе с союзами «санки» («гуя») *будто, словно*; «киби» *как, будто*; «ичюн» *из-за*; «мадамки» *ввиду того, что*, «чюнки» *по причине...* (исторически связанными с «ки» трансформационно-семантическими отношениями [12, с. 336]) входит в группу аналитических средств связи [13, с. 21]. С другой стороны, нельзя не учитывать особенности построения рассматриваемых конструкций, учтенных даже в пунктуации [14, с. 80–81], т.е. синтетический способ связи компонентов такого предложения. Поэтому, на наш взгляд, правильно рассматривать данные предложения аналитико-синтетическими. Например: *Язык ки, буны базы ёлбаичылар англамадылар, сакъланып-къоркъып, чешип инструкцияларнын артына сакъланып, меним эмирлеримни эда этмеге тырышмадылар* (Э.С., с. 201). «Жаль, **что** некоторые руководители этого не поняли, прячась, избегая и прикрываясь разными инструкциями, они не постарались выполнить мои указания» (подстрочный перевод текстов выполнен автором самостоятельно); *Бикечлерден экиск къоркъмагън Муталыб, атларнын джугенлерини ойле бир тартты ки, арабадаклер бири-бирине къакъышып, аз къалды атылып кетездылар* (Б.Ю. с.171). «Муталыб испугался не меньше пассажиров, (он) потянул поводья лошадей так, что сидящие в повозке ударившись друг о друга, чуть было не выскочили (из неё)».

Существуют различные взгляды на проблему возникновения союза «ки» в тюркских языках. Тюркологи неоднократно рассматривали данный союз на материале татарского, азербайджанского, узбекского, гагаузского, киргизского и др. языков.

Так, М. М. Мусаев отмечает, что сложные предложения с союзом «ки» «начинают широко употребляться в тюркских языках в XVI–XVII веках. Наблюдается их массовое бытование в языке памятников XVI века, написанных на армянском шрифте» [15, с. 8]. Анализируя союзные СПП, автор отмечает наличие примеров союзного подчинения, которые встречаются в древнетюркском языке, где в качестве союза выступало вопросительное местоимение **ким** «кто». По мнению М. М. Мусаева этот союз с течением времени видоизменился и обрел форму современного союза «ки», например: *Султан буюрды ким, барчасын ольдирынъ деп* (С.С. с. 49.). «Султан повелел, чтобы хлнца убили».

В трудах Н.З. Гаджиевой отмечается, что в основании тюркских сложных предложений наблюдаются две синтаксические тенденции, согласно которым можно выделить: 1) предложения, которые не охватывают все сложные предложения, 2) предложения, в которых усилительные частицы в результате внутреннего импульса, связывают главную и зависимую части, выступая в качестве подчинительного

союза. С течением времени усилительно–разделительная частица **ки**, под влиянием персидского и арабского языков (что, не имеет никаких сомнений), расширяет свою семантику [16, с. 366–370]. Именно таким образом, разделяя сложные предложения на две группы, Н.З. Гаджиева, объясняет происхождение союза «**ки**».

Согласно мнению А. Меметова, «**ки** – изъяснительный союз – означает ‘что, так что’, связывает главную предикативную единицу с придаточной, которая объясняет действие главного, заимствован из персидского языка. Он весьма употребителен и представляет собой огузский тип» [17, с.278].

Данные гипотезы подтверждаются следующими примерами крымскотатарского языка: *Мына буны язгъан адам кибиди, кягъыт артында сакъланмагъа истеген олсам, мен кягъыт устюнде ойле бир нетиджелер язып берир эдим **ки**, корьгейдинъиз* (Э.С. с.147.) «Если бы я хотел прикрыться бумагой точно так же как человек, написавший это, вы бы увидели, какие выводы я написал бы на бумаге»; *Яхшы **ки** кордим де, ачмадым* (Э.С. с.173.) «Хорошо, что я увидел и не открыл»; *Ашан тойгъан сонъ, Ахмет ахай дагъ тѣлесине чыкъып, озю ясагъан къавалыны ойле чала **ки**, козюн корсинъ* (Ф. с.14–18) «Наевшись, Ахмед ахай поднимается на вершину горы и так играет на сделанной им свирели, вы бы только видели».

Э.А. Грунина рассмотрев особенности СПП в узбекском языке, а так же изучив их семантические особенности, отмечает, «что формальным показателем связи двух предложений являются союзы, поэтому следует учитывать, что смысловое и грамматическое единство СПП союзного типа осуществляется при помощи разнообразных грамматических средств. Чем многозначнее союз (например, союз **ки**), тем разнообразнее эти средства. Чем определеннее лексический союз (например, союз **чюнки**), тем более ограничен круг его употребления» [18, с. 157].

Необходимо отметить частоту использования рассматриваемого союза в крымскотатарских художественных произведениях, а также в работах научного и публицистического характера. Например, статистическое исследование фактического материала произведения Ю. Болати «Алим» показывает, что в тексте: простых предложений – 31%; сложных (с разными видами и способами связи) – 69%, из них: сложносочиненных – 51,5%; сложноподчиненных – 48,5%, из них: сложноподчиненные бессоюзные составляют – 7%, союзные – 93%, из них: сложноподчиненных с союзом «**ки**» – 7,4%, с производными от союза «**ки**» 6%, с другими подчинительными союзами – 86,6%.

Рассматриваемые нами предложения имеют особую структурную схему, порядок компонентов которой не изменяется ни при каких обстоятельствах: главное предложение всегда располагается в начале, а затем придаточное, например: *Онъа шимди ойле келе эди **ки**, дерсин, даа ич бир вакъыт бойле йырлаганларыны эшитмеген* (С.Э. с.42.) «Сейчас ему казалось, что он никогда еще не слышал такого пения».

Сам союз «**ки**» характеризуется как изъяснительное средство выражения синтаксической связи, которая связывает главную и предикативную часть СПП.

Изучив труды упомянутых выше лингвистов-тюркологов, и проанализировав накопленный нами фактический материал, мы выделили два типа СПП с союзом «**ки**» – 1) со значением меры и степени действия и 2) изъяснительные.

1) СПП со значением меры и степени действия: *Бутюн бу резилли о къадар тез олып кечти **ки**, Алим ич бир шей анъламадан, дутюн вакъыт бакъып турды, сюрюнен чапты, багъырды...* (Б.Ю.с. 84). «Весь этот позор произошел настолько быстро, что Алим ничего не понял, все это время стоял и смотрел, (затем) побежал со стадом, закричал...»; *Топракъ обалары о къадар узанып кетти **ки**, олар электрик станциясынен плотина арасындаки он-он эки километрлик месафени къаплап алды* (Э.С. с. 30.). «Груды земли протянулись настолько, что они захватили расстояние в десять–двенадцать километров между электростанцией и плотинной». В главном предложении обобщающие слова «шу дередже», «оқъадар» связаны с глаголом, а придаточное предложение конкретизирует смысл главного предложения, отвечает на вопросы **не дередже** «до какой степени», **не къадар** «на сколько». В свою очередь, СПП со значением меры и степени действия обладают собственным семантическим потенциалом, что позволяет нам выделить их следующие разновидности:

- отношение к реальной действительности

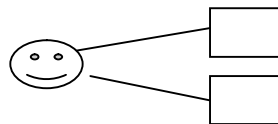

рис. 1

- протяженность явления

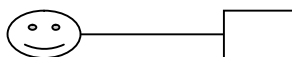

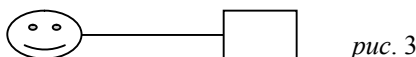
рис. 2

– структуру первого предложения, где придаточные предложения независимо друг от друга присоединяются к главному – рис. 1

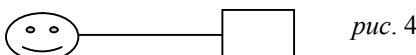
– структура второго предложения – рис. 2.

2) В сложноподчиненных предложениях с придаточными со значением изъяснения зависимая часть обычно изъясняет один из членов главного предложения. Функцию подлежащего в главной части предложения могут выполнять указательные местоимения «бу» «шу», а сказуемого «олур» «бар» и др. глаголы. В случае отсутствия подлежащего в главном предложении придаточное предложение может выполнять функцию координирующего члена контекста: раскрывать содержание подлежащего,

опущенного в результате универсального сокращения речевых актов: *Энь козьге чарпкъан шу ки, къуруджылыкъ ёлбаичылыгыъы вазьетни тюзетмек ичюн чешит ёлларгъа баш ура* (Э.С. с.198.). «Больше всего бросается в глаза то, что для исправления положения в руководстве строительства он ищет всевозможные пути». Приведем несколько примеров подлежащих изъяснительных СПП: *Шуны айтмакъ керек ки, цемент бираз зияде масраф этильген.* (Э.С. с.300.). «Необходимо сказать, что цемент израсходован несколько больше»; *Шуны да дие билириз ки, бу куньлерде пек буюк залым алтындауз* (А.А.С. с.53.). «Необходимо сказать, что в эти дни мы находимся под большим гнетом».

- изложение реальной действительности

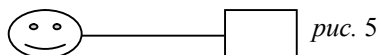

- вывод из сложившейся ситуации

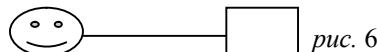
Сказуемые предложения со значением изъяснения – *Энь эсасы шунда ки, Сардаров озюни неден къабаатлайджагыны бильмей, япкъан ёлбашчылыгында ич бир эксиклик дуймай эди* (Э.С. с.158.). «Самое главное это то, что Сардаров не знал в чём его будут обвинять, в том, что он не замечал никаких недостатков в своём руководстве».

Семантическая реальность данных СПП, позволяет нам выделить предложения, содержащие:

- объективный взгляд на действительность (ситуацию)

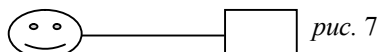

- изложение основной проблемы

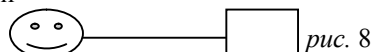

Главная часть дополнительных предложений со значением изъяснения заканчивается на сказуемое, выраженное глаголами демек, бильмек, тюзюнмек, олмакъ, эшитмек, япмакъ, фарз этмек, къайд этмек, санмакъ, эмир этмек, например: *Къартлыгынынъ тесириден олмалыдыр ки, гъалиба, сеадетимизден узакълаштым* (А.А.С. с. 66.). «Вероятно это из-за старости, наверное, потому что я отделился от мечты». *Лякин биль ки, бу сонъки корюшнов дегильдир* (Ю.Б. с.176.). Но знай, что это не последняя наша встреча. Семантические особенности данных предложений содержат:

- влияние реальной действительности на текущие события

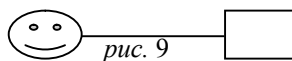

- изложение реальной действительности

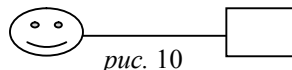

В определительном сложноподчиненном предложении с союзом «ки», существительное главного предложения конкретизируется и обосновывается местоимением третьего лица, придаточного предложения, например: *Лякин бу иши дакъкъалары ве саатлери ойле бир ёлларнен даркъалып кете эдилер ки, оны баш этмекнинъ чареси ёкъ эди* (Э.С. с. 115.). «Однако минуты и часы этой работы (расходились) пролетали так, что предотвратить это было не возможно»; *Сарвар машинанынъ сигналыны ойле бир къуветнен басты ки, онынъ сесинден озьлери биле абдырадылар* (Э.С. с.26.). «Сарвар с такой силой нажал на сигнал, что от такого звука они сами вздрогнули». Данные предложения содержат:

- вывод из сложившейся ситуации

- отношение к физическому явлению

Результаты нашего исследования позволяют сделать следующие выводы. СПП с союзом «ки» обладают специфической структурой своего построения. По сложности структуры нами выявлены элементарные сложные предложения (с одним придаточным) и СПП усложненной конструкции (с несколькими придаточными предложениями).

Характеристика функциональных особенностей придаточной части позволила нам выделить СПП с подлежащими, сказуемыми, дополнительными, определительными придаточными. Кроме того, контекст СПП с союзом «ки» указывает на то, что рассматриваемые СПП обладают широким семантическим потенциалом: могут выражать отношение к реальной действительности, протяженность явления, изложение реальной действительности, вывод из сложившейся ситуации, объективный взгляд на действительность, изложение основной проблемы, влияние реальной действительности на текущие события, степень реальности явления, отношение к физическому явлению.

Конечно, наше описание не исчерпывает всех возможностей СПП с союзом «ки», и требует продолжения исследовательских процедур.

Источники и литература

1. Кодухов В. И. Общее языкознание. – М.: Высшая школа, 1974. – 303с.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. Для филол. Спец. Вузов. – 2 – е изд. Перер. И доп.. – М.: Высшая школа, 1987. – 272с.
3. Реформатский А.А. Введение в языкознание: Учебник для вузов/ А.А.Реформатский; Под. Ред. В.А. Виноградова. – 5– е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536с.
4. Баранникова Л.И. Введение в языкознание (Учебное пособие для фил. фак. ун–тов). – Саратов: сарат.ун–та, 1973. – 384 с.
5. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М., 1979. – С. 279–365.
6. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований/ отв. ред. Б.А. Серебренников. – М., 1973. – 318с.
7. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. – М., 1974. – С. 157–310.
8. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: Підручник для студентів філологічних спеціальностей вищих закладів освіти. – К.: Видавничий центр «Академія», 1999. – С. 233–237.
9. Ислямов Асан. Татар тильнинь грамматикасы. Къысым синтаксис.– Симферополь: Кърым АССР девлет нешрияты, 1940. – 120с.
10. Акъмолаев Э.С. Къырымтатар тильнинь амелияты. Ташкент: Укытувчи, 1989.– С.84–131.
11. Оказ Л.С. Сложное предложение. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка. – Симферополь: ТНУ, 2002. –115с.
12. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973.– С.336.
13. Оказ Л.С. Указ. Соч. – С.21.
14. Ислямов Асан. Указ. Соч. – С.80–81.
15. Мусаев К.М. К истории союзов в тюркских языках// Советская тюркология, 1980. – № 6.– С.8.
16. Гаджиева Н.З. Указ. Соч.– С. 366–370.
17. Меметов А. Мусаев К. Крымтатарский язык. Учебное пособие. – Симферополь: Крымское учебно–педагогическое государственное издательство, 2003. – 288с.
18. Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке// Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.– Т III. Синтаксис.– М.: Наука, 1961.– С.157.

Список сокращений:

(А.А.С.) – Айвазов А.С. Неден бу ала къалдыкъ. Пьеса// Йлдыз, 1995. – № 4. – С.44–82; (Б. Ю.) – Болат Ю. Алим: Роман. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – 424с.; (С.С.) – Сейф Сарайи Гюлистан би–т Тюркий// Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи (Къыкъса бир назар)/ под ред. Р.Фазыла, С.Нагаева – Акъмесджит: 2001. – С.49; (Ф.) – Фольклор: Бал чокъракъ. Лятифе/ Тувгъан эдебият (6–джи сыныф ичюн), Велиулаева А.В., Муртазаева Г.Э., Алиева Л.А. – Акъмесджит: Къырым девлет окъув–педагогика нешрияты, 1998. – С. 14–18; (С.Э.) – Эмин С. Ираде деръясы: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1971.– 376с

Бекирова Л.И.**ФУНКЦИОНИРУЮЩАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО
НАКЛОНЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА –ДЫ В СОВРЕМЕННОМ
КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Дослідження здійснено
За підтримки ДФФД МОН України*

Форма на –ды, «представленная во всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языках, одна из немногих, а в масштабе всей тюркской языковой семьи – почти единственная, имеющая ныне монофункциональный статус. Однако можно указать на целый ряд фактов, свидетельствующих о ее былой, а в известной мере и современной, полифункциональности» [21; с.379].

Тюркологи отмечают ее как самую древнюю форму прошедшего времени: «Это, бесспорно, самая древняя финитная глагольная форма» [12, с.9].

«Если все же допустить, что показатель времени на –dy/–di произошел из *–d+i прономинальное, то этот процесс надо отнести к раннепротюркскому состоянию, позиция в слове способствовала тому, что в позднепротюркском данная форма воспринималась, как и в современных языках, как не имеющая специального личного окончания, аналогично форме на –sa и некоторым другим» [21; с.376].

В отношении к вопросу этимологии этой формы в тюркологии пока нет единодушного подхода. «Вопросы изначального семантического статуса формы на –dy с последующим преобразованием ее значения во временное, находили, в общем, столь же разнообразные решения, как и вопросы формальной структуры» [21, с.384].